Список литературы

Almond, G., Verba, S. The Civic Culture. – Boston, 1965.

Catlin, G. Science and Method of Politics. –1927.

Dewey, J. Reconstruction in Philosophy. – Boston, 1957.

Eliott, W. The Possibility of a Science of Politics. – N.Y., 1931.

© Смирнов М.М., 2010

А.В. Шемелин

РОССИЯ И ТРАНЗИТ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ

ШЕМЕЛИН Аркадий Валерьевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного и муниципального права Читинского государственного университета (e-mail: shemelin75@yandex.ru)

Аннотация. *В статье рассматриваются проблемы, связанные с пониманием сложного процесса утверждения демократических ценностей и трансформации политической жизни в России.*

Ключевые слова: *переходный период, политическая система, демократия, правовая культура, избирательная система, транзит демократических ценностей, гражданское общество.*

Вступление России на путь утверждения демократических институтов поставило задачу имплементации имеющегося опыта либерально-демократических стран в собственную практику. Возникшие проблемы, связанные с транзитом политических и иных либеральных ценностей, оказались достаточно сложными по своей природе и потребовали рассмотрения их в контексте тех противоречий, которые существовали и продолжают иметь место в современной России: противоречий реалий и утверждаемых стратегий государства, общества, экономики и культуры в сочетании с проблематикой развития цивилизации, концепциями, принятыми в развитых странах Запада.

Транзит демократических ценностей поставил вопрос об их природе и существующих исторических идейно-психологических тенденциях оценки и принятия внешнего опыта. О препятствиях в объективной оценке запад-

ного опыта для России говорится достаточно много. Следует учитывать природу ценностей, которые аналогичны «вторичным качествам», являясь результатом внешних, а не внутренних взаимодействий. Известная формула «свобода, равенство и братство» и ценности либерализма должны рассматриваться на предмет их диспозитивной природы, так как они обоснованы «непохожими» на них объективными свойствами и процессами и актуализированы лишь в системе определенных взаимоотношений между субъектами и объектами[1]. Сдвиги во взглядах и настроениях россиян будут зависеть от устойчивых социальных отношений, поддержанных в политических институтах и постоянно утверждаемой легитимации или веры в устанавливаемый миропорядок. Здесь слишком велико значение иррационального и избирательного отношения к традиционным установкам, являющимся результатом опосредованной информации.

Представления о противостоянии мира логоса миру ratio в России характеризуют всю ненадежность ситуации, связанную с различными стилями мышления и утверждаемыми формами существования. В переходные периоды этот процесс обостряется, ставя под сомнение ценности политической жизни, где, в свою очередь, мы видим область постоянных конфликтов и компромиссов. Вместе с тем, как замечает М. Оукшот, именно в политике рационализм заявляет о себе с наибольшей силой, то есть там, где мы глубоко увязаем в традиционном, случайном и преходящем[2]. Он считает, что рационалистская политика, стремясь к совершенным решениям, порождает политику насаждения единообразия, а игнорирование обстоятельств приводит к тому, что для многообразия не остается места[3].

В отечественной мысли во второй половине XIX и начале XX столетий критический подход к рационализму вылился в проблему понимания ценности прагматизма. Общее настроение в умах того времени, думается нам, выразил Б.Н. Чичерин, сказавший: «Самое понятие о праве совершенно затмилось в современных умах. Оно было низведено на степень практического интереса, ибо для идеальных начал не остается более места»[4].

Важным этапом для развития отечественной мысли было выявление универсальных основ для жизни и создание необходимых для этого условий. Здесь следует отметить три направления исследований. Первое из них связано с пониманием роли интеллигенции; второе направление имело своим объектом характеристику народа; третье было связано с характе-

---

[1] См.: *Барышков, В.П.* Аксиология личностного бытия. – М., 2005. – С. 59.

[2] См.: *Оукшот, М.* Рационализм в политике и другие статьи ; пер. с англ. – М., 2002. – С. 9.

[3] См. там же. – С. 11.

[4] *Чичерин, Б.Н.* Философия права. – М., 1900. – С. 3.

ристикой предназначения государства и его направленностью на реализацию общего блага.

Общая оценка низкого уровня правосознания интеллигенции стала ключом к выводам о ее неспособности реализовать принципы свободы. Об этом, в частности, писал Б.А. Кистяковский: «Убожеством нашего правосознания объясняется и поразительное бесплодие наших революционных годов в правовом отношении. В эти годы русская интеллигенция проявила полное непонимание правотворческого процесса; она даже не знала той основной истины, что старое право не может быть просто отменено, так как отмена его имеет силу только тогда, когда оно заменяется новым правом»[1]. Творческая страсть интеллигенции предстала в бакунинском стремлении к разрушению.

Не менее напряженной выглядит оценка русского народа. Н.А. Бердяев писал о склонности русского народа к мессианству, с одной стороны, и к отрицанию существующего мира, с другой стороны. По его мнению, «русский народ в глубоких явлениях своего духа – наименее мещанский из народов, наименее детерминированный, наименее прикованный к ограниченным формам быта, наименее дорожащий установленными формами жизни»[2]. Сходные определения можно найти и у других мыслителей того времени, призванные показать религиозную природу народного сознания и его удаленность от буржуазных, либеральных ценностей. Вместе с этим именно религиозность русского народа, как считал Н.О. Лосский, сопряжена с поисками социальной справедливости в земной жизни и абсолютного добра, страстностью и максимализмом в оценках. При недостаточной степени развития общественного сознания возникает сомнение, вырождающееся в экстремизм, анархию или обломовщину, равнодушие к несовершенному добру земной жизни[3].

Отечественные мыслители искали пути развития России и выхода из состояния цивилизационной периферийности. Стремление увидеть «закат Европы» сопровождался критическими оценками в адрес собственного населения, с изменением сознания которого были связаны большие надежды. При отсутствии культурных механизмов формирования сознания масс упор был сделан на утверждение основ абсолютной этики, имевшей оправдание в Боге и вере. Не случайно Б.Н. Чичерин указывал на то, что государство как принудительный союз не должно вторгаться в область чисто

---

[1] *Кистяковский, Б.А.* В защиту права // Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. – М., 1990. – С. 141.

[2] *Бердяев, Н.А.* Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. – М., 1990. – С. 217.

[3] См.: *Лосский, Н.О.* Условия абсолютного добра: основы этики; Характер русского народа. – М., 1991. – С. 359.

нравственных отношений и помогать Церкви, посредствующей между Богом и человеком. Государство должно заботиться об общем благе, и цель науки «выяснить, что государственная сила сама по себе не есть цель, а лишь средство для упрочения внутреннего благосостояния и разумной гражданственности, которой успехи измеряются развитием нравственных требований»[1].

Не менее важны и сугубо критические воззрения на устройство Российского государства В.О. Ключевским. Характеризуя действия Государственного совета, он утверждал: «На Западе закон есть политическая сделка двух властей – короны и законодательного собрания; у нас он есть воля одной верховной власти, но обыкновенно внушаемая Советом, что и выражается в самой формуле высочайше утверждаемых мнений Государственного совета: “внявши мнению Совета”, “быть по сему”.

Но западный порядок законодательства основан на мысли о равенстве двух властей; у нас в основание этого порядка положена мысль о средствах и условиях для наиболее правильной и осмотрительной выработки новых законодательных норм»[2]. Поэтому не случайно на участие народа в политической жизни и возрождение земских институтов смотрели в императорский период истории в России негативно. Сама идея делить власть с народом была не просто сомнительной, но и, как указывал писатель К.Ф. Головин, почти мятежною[3].

Ситуация с реакцией на приоритеты миропорядка никоим образом не изменилась и сегодня. Общественное сознание пребывает в столь же сложном отношении. Следует еще раз обратить внимание на то, что отечественная мысль, решавшая вопросы морали в XIX и начале XX столетий, развивалась в русле синтеза религии и философии. С точки зрения развития права, нагрузка на теологические и метафизические основы выглядит обременительной. Отчасти это связано с тем, что вопросы моральной регуляции рассматривались под углом зрения приоритета роли и значения личности и ее судьбы. Отсюда проистекал приоритет вопросов практической морали над построением моральных систем. В этом контексте, полагаем, мнения прошлого продолжают воспроизводиться в оценках нашего времени.

Накладываясь на современность поиска исторической идентичности, они влекут за собой не только утверждение некой логической изначальности или тождественности, но и повтор негативного. В условиях нестабильности ситуация предстает как кризис культурных ценностей, утраты

---

[1] *Чичерин, Б.Н.* Курс государственной науки : в 3 ч. – Ч. 3. – М., 1898. – С. 40.

[2] *Ключевский, В.О.* Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. – Кн. 3. – М., 1993. – С. 395.

[3] См.: *Ферро, М.* Николай II. – М., 1991. – С. 120.

естественных традиций, обесценивания норм и потери совокупным социокультурным субъектом личностного значения[1].

Рассмотренные нами характеристики правосознания и этических норм важны и напрямую связаны с пониманием тех процессов, которые происходили в общественном сознании россиян в современную эпоху. Полученное право голосовать и обретение тем самым права выбора не привели автоматически к их утверждению в сознании граждан в качестве приоритетных политико-правовых ценностей. Более того, временны́е различия указывают на разные условия в формировании общественного сознания и факторах экономического и социального характера. Абсолютной цели достижения новых условий «благоденствия» явно не хватало веры.

По мнению мыслителя Джона Дьюи, в выработке ценностей должны принимать участие зрелые люди. Ведь верить в демократию для него значит верить в человеческие силы и форму жизни, не просто терпящую личную инициативу, а стимулирующую ее[2].

При всем том мы видим, что в России именно этические максимы прошлого продолжали сохранять свою актуальность. В частности, можно сослаться на оценку идей М. Вебера, сделанную А.С. Панариным. Признавая его заслуги, Панарин говорит о том, что в «нашей культуре» продолжает присутствовать «специфический тип жреческого, или пророческого, вдохновения, в пострелигиозную эпоху воплощаемый интеллигенцией. Именно она, как наследница старого теократического принципа, подчиняющего политику великим утопиям или высшим идеалам, дважды на протяжении XX в. увела национальную политическую жизнь от политического реализма, связанного с этикой ответственности, и подчинила ее безответственному идеологическому прожектерству, или чарам этики убеждения»[3]. «Ситуация, – по мнению Панарина, – повторилась в эпоху перестройки, августовского демократического апогея и августовского же (1998) провала. Наш интеллигентский клир, которому российская политика обязана больше вдохновением и экзальтацией, чем аналитической трезвостью, предложил политическому классу символ новой, демократической веры»[4].

Не желая абсолютизировать свою мысль, исследователь пишет о необходимости принципиального разграничения (разделения) политической и духовной власти. Здесь мы наталкиваемся на дилемму, решение которой переводится в сферу гипотетического сохранения ценностей «этики убеждения» и «этики ответственности». Приоритеты той или другой максимы выглядят, как варианты онтологического утверждения. Поиски отечествен-

---

[1] См.: *Павлов, А.В.* Элементы философии культуры. – Тюмень, 1997. – С. 77–78.

[2] См.: *Реале, Д., Антисери, Д.* Западная философия от истоков до наших дней. – Т. 4. От романтизма до наших дней. – СПб., 1997. – С. 329–330.

[3] *Панарин, А.С.* Политология. – М., 2000. – С. 165.

[4] Там же. – С. 166.

ными философами, социологами и юристами решения проблемы ответственности ведутся давно. Считается, что ответственность наилучшим образом способствует ценностной упорядоченности и стабильности общества при решении самых сложных проблем, связанных с принятием управленческих и регулятивных задач, и обеспечения должного уровня коммуникации.

Об особенностях различных подходов к проблеме пишет А.И. Ореховский, считающий, что традиционно ответственность рассматривается либо в качестве меры внешних социальных санкций, либо как чувство и сознание долга, либо как определенные формы подотчетности действующих субъектов. При этом в анализе обычно превалирует субъектно-объектная трактовка ответственности, а не ценностная − объектно-субъектная. В результате в теоретических исследованиях, особенно правовых, в большей мере обращается внимание на ретроспективную сторону ответственности: обоснование меры вины, наказания, порицания и т. п. и лишь на втором плане просматривается спектр объективных ценностных зависимостей и связей субъектов, складывающихся в сфере экономических, политико-правовых и нравственно-психологических отношений[1].

По сути, развитие той или иной цивилизационной модели политического устройства будет зависеть от наличной внутренней организации. Для Вебера в основе такой организации, как известно, находилась религия. Об этом же писал и А. Тойнби, дополняя описание социального организма технологиями. Внешним выражением состояния такой организации оказывается политическая конструкция и соответствующий политический режим. Как правило, такое состояние опирается на определенный уровень сознания граждан, обеспечивающих необходимую легитимацию власти и ее институтов. Именно борьба за общественное сознание представляется как один из ведущих мотивов политической жизни. Это вписывается и в понимание ценности как формы выражения интересов. На это в свое время указывал американский философ Р. Перри[2]. Об аксиологическом аспекте отношения цели и средства, имеющем большое значение в функционировании и развитии культуры, пишет М.С. Каган[3].

Важным аспектом формирования новой политической системы стал процесс выведения общества из-под пресса государственно-партийного диктата и поиски в социальной среде необходимых для формирования демократического государства сил. Сошлемся на наблюдение, сделанное ответственным секретарем Конституционной комиссии 1990–1993 гг.

---

[1] См.: *Ореховский, А.И.* Основания ответственности: методологический и праксиологический аспекты. – Новосибирск, 2003. – С. 5.

[2] *Perry, R.B.* General Theory of Value. It's meaning and basic principles, construed in terms of interest. – Cambridge, 1950.

[3] См.: *Каган, М.С.* Философия теории ценностей. – СПб., 1997. – С. 84.

О.Г. Румянцевым о том, что «детонатором мировоззренческого спора вокруг новой Конституции стал вопрос о гражданском обществе»[1].

Введение в оборот термина «гражданское общество» потребовало определения не только содержания, но и тех факторов или условий, при которых оно реализуется. Одним из них было введение частной собственности, что известным образом противоречило прежним представлениям советского периода. Проблемным было утверждение в сознании общества представлений о субъектности и автономности индивида, свободы и достоинства. На практике это вело к резкой поляризации общества, большая часть которого не смогла перейти в группу собственников. Нарастающими темпами увеличивалась группа бедных. Ситуация осложнялась за счет неблагоприятной политической, социальной и экономической ситуации. Цели модернизации страны явно вошли в противоречие с наличной базой социальных установок и общественных связей. Автор идеи «конструктивного разрушения» Й. Шумпетер, с поправкой на идею перехода от капитализма к социализму, подчеркивал нежелательность слишком быстрого и обвального разрушения социально-экономической системы, так как это приводит не к утверждению нового, а наоборот, старое зарывает дорогу новому[2].

Расстановка акцентов в отношении гражданского общества имела, скорее всего, рекомендательный характер. На фоне наличного общества трудящихся приходилось рассчитывать на некоторые усеченные представления. Этому способствовал рост частного сектора. Наряду с предпринимателями служащие частного сектора выступали наиболее последовательными сторонниками модернизации российского общества. Исследователи отмечали, что с точки зрения ценностных ориентаций, психологии и поведения, новые социальные группы заметно отличались от представителей других секторов общественного производства. Впрочем, те же исследователи говорили и об образовании широких маргинальных слоев[3].

В контексте определения ценности идеи гражданского общества в России мы постоянно сталкиваемся с крайностями. Так, в одном случае, с целью «изобретения» традиции, предлагается утверждение в духе А. Дугина: «Гражданское общество – опасная русофобская химера»[4]. В другом случае мы отмечаем явное смешение представлений, когда политические

---

[1] *Румянцев, О.Г.* Основы конституционного строя России: (понятие, содержание, вопросы становления). – М., 1994. – С. 72.

[2] См.: *Шумпетер, Й.* Капитализм, социализм и демократия. – М., 1995.

[3] См.: Партийная система в России в 1989–1993 годах: опыт становления. – М., 1994. – С. 17.

[4] *Дугин, А.* Проект «Гражданское общество» как угроза российской самобытности // Патриотика. ру. [Электронный ресурс] : http://www. patriotica.ru/authors/dugin. html.

партии характеризуются с позиции представления их в качестве части гражданского общества[1]. При этом явно опускается та характеристика политических партий, согласно которой целью их деятельности является достижение власти.

Интеграция гражданского общества в политическую жизнь ограничена сферой его жизнедеятельности. Гражданское общество образует сферу частных, главным образом, имущественных отношений и интересов людей как свободных производителей и суверенных потребителей, как независимых и юридически самостоятельных субъектов отношений. При этом гражданское общество обладает достаточной степенью автономии относительно политической власти и государственных институтов. Важным здесь является то, что в среде гражданского общества получили развитие различные аспекты предпринимательской деятельности, этики потребления и досуга и профессиональной морали. В основе же внутренней коммуникации лежит представление о ценности свободы личности.

Это не исключает того, что члены гражданского общества выступают в качестве сознательных политических акторов, участвующих в демократическом процессе. Вместе с тем приходится признать, что для России боязнь дезинтеграционных процессов оказывается важнее, чем установление того, во что должно превратиться гражданское общество. Поэтому все рассуждения о гражданском обществе в нашей стране носят скорее рамочный характер.

Список литературы

Каган, М.С. Философия теории ценностей. – СПб., 1997.

Ключевский, В.О. Русская история. Полный курс лекций в трех книгах. – Кн. 3. – М., 1993.

Оукшот, М. Рационализм в политике и другие статьи ; пер. с англ. – М., 2002.

Чичерин, Б.Н. Философия права. – М., 1900.

Шумпетер, Й. Капитализм, социализм и демократия. – М., 1995.

© Шемелин А.В., 2010

[1] См.: *Ерыгина, В.И.* Политико-правовые тенденции возрастания роли политических партий в избирательном процессе // Конституционное и муниципальное право. – 2007. – № 19. – С. 15.